[4] Гл.: Zbior prav… S. 58.
[5] Гл.: Леонтович Ф. И. Указ. тв. С. 121–122.
[6] Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кн. зап. 28 (1522–1552). Мінск, 2000. С. 75.
[7] Гл.: Литовская метрика. Кн. зап. 8 (1499–1514). Вильнюс, 1995. № 416.
[8] Гл.: Zbior prav… S. 62.
[9] Гл.: Леонтович Ф. И. Указ. тв. С. 162.
[10] Там жа. С. 145.
[11] Там жа. С. 146–147.
[12] Гл.: Ясинский М. Н. Главный Литовский трибунал, его происхождение, организация и компетенция. Киев, 1901. Вып. 1. С. 105–106.
[13] Гл.: Zbior prav… S. 28.
[14] Гл.: Леонтович Ф. И. Указ. тв. С. 148–149.
[15] Гл.: Литовская метрика. Кн. зап. 5 (1427–1506). Вильнюс, 1993. С. 296–297.

Паступіў у рэдакцыю 03.09.12.

Алена Іванаўна Басалай – дацэнт кафедры міжнароднага права ПУА «БІП-Інстытут правазнаўства».

А. В. ШАВЦОВА

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА КОНСТИТУЦИЯМИ НЕКОТОРЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Анализируются способы и формы правового закрепления понятий «государственный суверенитет», «суверенитет народа», «суверенитет нации» конституционными актами ряда европейских государств, их лексическое и юридическое соотношение.

The article analyzes methods and forms of legal consolidation of concepts «the state sovereignty», «the sovereignty of the people» and «the sovereignty of the nation» in the constitutional acts of several European states, as well as lexical and juridical correspondence of these concepts.

Конец XX – начало XXI в. для ряда европейских государств, характеризовавшихся ранее как ориентированные на социалистическую модель развития, представляет собой качественно новый этап – преобразование конституционных основ суверенитета и государственного строя.

Несмотря на видимую схожесть трансформационных политических процессов стран данного региона, мотивация, средства, методы и их механизмы отличались большим многообразием. Преобразовательные реформы, носящие порой революционный характер, повлекли за собой кардинальные изменения основ государственного строя. Их правовое регулирование требовало значительных профессиональных усилий со стороны законодателя, чья нормотворческая практика была основана на правовых традициях, формировавшихся десятилетиями, сложившихся в том числе и в правовой системе, науке, лексике. Это сказалось на разрабатываемом внутригосударственном законодательстве, в первую очередь на принимаемых конституционных актах. Однако, несмотря на политические и экономические трудности и теоретико-правовые дискуссии, законодательные органы большинства государств демонстрировали высокий уровень профессионализма, и в содержании конституционных актов закреплялись правовые новеллы, отражающие потребности и реалии нового времени.

Вместе с тем следует отметить, что гуманитарная, прежде всего политологическая и правовая, наука оказалась в значительной степени не готова к внесению конструктивных, взвешенных, обоснованных предложений в отношении столь стремительных преобразовательных процессов в обществе и государстве. Правовая наука находилась в этот период на стадии переосмысления, переоценки происходящих процессов, поиска новых подходов, формирования и попытки обоснования современных теорий и концепций. Для обозначения и регулирования не известных на данный момент отечественной и правовой науке и практике явлений нередко использовали классические, традиционные правовые понятия и обороты. Вместе с тем следовало учитывать, что употребление их в новом контексте влекло за собой и изменение их содержания, способа, формы применения. Зачастую законодатель в своем стремлении успеть урегулировать быстро меняющиеся общественные отношения не уделял необходимого внимания футурологическому аспекту политико-правовой лексики, сложившейся в эпоху социализма для обоснования его идей, целей и ценностей.

Анализ правового закрепления конституционных основ суверенитета странами Восточной Европы со всей очевидностью демонстрирует преемственность традиционных идей, подходов, политико-правовых категорий и терминов, развивавшихся и применявшихся как в эпоху вхождения этих государств в социалистический блок, так и в постсоциалистический, постсоветский период на стадии обретения суверенитета.

В основе этого процесса можно идентифицировать несколько факторов, но один из них – футурологический – в отечественной правовой науке не рассматривается. При анализе правовой регла-

ментации суверенитета на конституционном уровне следует выделить несколько направлений исследования. Во-первых, используется ли данный термин в тексте конституции того или иного государства или его содержание раскрывается опосредованно. Во-вторых, закрепляются ли основные элементы суверенитета, общепризнанные в теории права. В-третьих, поскольку в сложившейся политико-правовой практике применяются укоренившиеся в правовой науке лексические обороты для обозначения носителей, субъектов и источника суверенитета, следует проанализировать, какие термины используются в конституционных актах для их обозначения – народ, нация или государство, а также являются ли они при этом источником суверенитета и (или) государственной власти. Наконец, целесообразно и важно при исследовании конституционных актов в первую очередь полинациональных государств выявить содержание понятий «национальный суверенитет» и «народный суверенитет», их соотношение, способы и пределы правовой регламентации.

Следует отметить, что предметом самостоятельного исследования является вопрос о соотношении народного или национального суверенитетов с правом на самоопределение, содержание которых не равноценно, но, в отличие от правовой и политической науки, в сложившейся политико-правовой практике они нередко неправомерно используются как тождественные.

Законодательство европейских государств по-разному устанавливает характер и объем правовой регламентации суверенитета на конституционном уровне. В некоторых конституциях политико-правовой институт суверенитета закрепляется весьма подробно: уже в преамбуле обосновывается создание суверенного государства на основе права на самоопределение, определяется источник либо носитель суверенитета, декларируются основные элементы суверенитета (верховенство власти, народ, территория), некоторые формы, способы его обеспечения и реализации (формы государственной собственности, банковская система и финансово-экономическая политика, статус, цели, направления и основания применения регулярных войск или иных военных формирований, национальная и этническая политика, государственные символы, принципы международного сотрудничества и внешней политики, в том числе в области обеспечения безопасности, и т. д.).

Как правило, в преамбуле или первых статьях конституций определяется, от имени кого принималась данная конституция, что прямо или косвенно указывает – какой социальной общностью (народом, нацией) было реализовано право на самоопределение и кто является источником государственного суверенитета. Традиционно в текстах большинства восточноевропейских конституций народ упоминается как носитель суверенитета, источник государственной власти и, как следствие, государственного суверенитета. Данные понятия не тождественны, но тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Так, например, как и большинство государств, стремящихся в своем развитии к демократическим ценностям, Хорватия в своей Конституции провозгласила: «…власть исходит от народа и принадлежит народу» (ст. 1 ч. II «Основные положения»). Вместе с тем именно государство объявлено как суверенное*.

В Конституции Чехии четко установлено, что *народ* является *источником всей государственной власти* (абз. 1 ст. 2), но не суверенитета.

Конституция Эстонской Республики, принятая на референдуме 28 июня 1992 г., провозглашая народ носителем верховной власти, также прямо не употребляет термин «суверенитет», но представляет собой типичный образец опосредованной его правовой регламентации: «Народ Эстонии, выражая непоколебимую веру и твердую волю укреплять и развивать государство, которое создано по непреходящему праву *государственного самоопределения народа* Эстонии… Эстония – *самостоятельная и независимая* демократическая *республика*, где *носителем верховной власти является народ*» (ст. 1). В данном случае речь идет о самоопределении народа путем образования государства, т. е. народ – источник суверенитета, а государственный суверенитет республики провозглашен через объявление важнейших его свойств, черт – самостоятельности и независимости.

Согласно принятой гражданами Литовской Республики на референдуме 25 октября 1992 г. Конституции Литовское *государство созидается Народом, суверенитет принадлежит Народу* (ст. 2); «никто не может ущемлять или ограничивать *суверенитет Народа*, присваивать *суверенную волю, принадлежащую всему Народу*» (ст. 3); «Высшую суверенную волю Народ осуществляет непосредственно или через своих представителей, избранных демократическим путем» (ст. 4).

В принятой от имени народа Конституции Латвии также утверждается, что суверенная *власть принадлежит народу*.

Так, например, Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. была принята также от имени народа. В соответствии со ст. 4 «Верховная *власть* в Республике Польша *принадлежит Народу*»,

* www.worldconstitutions.ru (см. также далее по тексту).

однако народ не провозглашается носителем или источником суверенитета, так как понятие «суверенитет» в данной конституции употребляется исключительно в отношении государства.

Конституция Словацкой Республики от 1 сентября 1992 г. была в соответствии с преамбулой принята одновременно как от имени нации: «Мы, словацкая нация... исходя из естественного *права наций на самоопределение*, вместе с представителями национальных меньшинств и этнических групп, живущими на территории Словацкой Республики», так и от имени граждан: «…мы, граждане Словацкой Республики, принимаем посредством своих представителей настоящую Конституцию». Одновременное использование двух терминов объясняется, с одной стороны, демократическим характером, и потому конституция принимается от имени нации. С другой стороны, именно граждане имеют политические права и свободы и участвуют в принятии государственно важных решений, что обусловливает процедуру принятия конституции. Вместе с тем именно государство в тексте конституции объявляется суверенным.

Законодатель Албании весьма обстоятельно подошел к данному не только правовому, но и политическому вопросу. В Конституции Албании, принятой 21 октября 1998 г., в ст. 2 части первой «Основные принципы» четко, прямо провозглашается *народ в* качестве *носителя суверенитета* и формы осуществления народом суверенитета через своих представителей или непосредственно.

Провозглашение этими конституциями так называемого «народного суверенитета» основано на традиционных научных подходах. Вместе с тем более подробный, тщательный анализ положений свидетельствует о возможности его реализации, используя только государственные формы и способы, что может быть достигнуто лишь в рамках государственного суверенитета.

В конституционной практике восточноевропейских государств имеет место провозглашение суверенитета исключительно в отношении государства.

В соответствии со ст. 1 «Словацкая Республика есть *суверенное*, демократическое и правовое *государство*». Особое значение в провозглашении суверенитета сыграла принятая 23 декабря 2008 г. Основная Конституционная Хартия самостоятельности и независимости Республики Словения, в которой наряду с провозглашением самостоятельности и независимости отрицательно оценивался опыт вхождения в СФРЮ: «Республика Словения и ранее по своему конституционному устройству являлась государством и только часть своих суверенных прав осуществляла в Социалистической Федеративной Республике Югославия». При этом демонстрируется готовность Словении в качестве самостоятельного и независимого государства к дальнейшему сотрудничеству с бывшими союзными республиками на принципах суверенного равенства и территориальной целостности.

Конституция Эстонии провозглашает государство как «*самостоятельную и независимую* демократическую *республику*… Самостоятельность и независимость Эстонии непреходящи и неотъемлемы» (ст. 1), они основаны на «непреходящем праве *государственного* самоопределения *народа* Эстонии» (преамбула).

Конституция Чешской Республики от 16 декабря 1992 г. провозгласила: «Чешская Республика является *суверенным*, единым и демократическим правовым *государством*» (ст. 1), в гл. 1 «Основные положения» закрепила также иные важнейшие принципы организации государственного устройства, в том числе то, что народ является источником всей государственной власти (ст. 2), и унитарную форму политико-территориального устройства (ст. 11). На правовое регулирование государственного суверенитета направлены и «Переходные и заключительные положения», регулирующие вопросы, связанные с переходом от федеративного устройства государства к двум унитарным государствам и конституированием Чешской Республики (гл. 8).

Такая же правовая регламентация имеет место в Конституции Республики Хорватия от 22 декабря 1990 г.: «Выражая тысячелетнюю национальную самобытность и *государственность* хорватского народа, подтвержденную всем ходом исторического развития в различных государственных формах и развитием идеи об историческом праве хорватского народа на *полный государственный суверенитет*… *Республика Хорватия* формируется и развивается как *суверенное* и демократическое *государство*» (ч. I).

Отличительной особенностью данной конституции является весьма подробное закрепление основных черт суверенитета, его пределов и главных аспектов содержания: «Суверенитет Республики Хорватия неотчуждаем, неделим и непередаваем. Суверенитет Республики Хорватия распространяется на ее территорию на суше, на реки, озера, каналы, внутренние морские воды, территориальное море и воздушное пространство над этими территориями.

Республика Хорватия в соответствии с международным правом осуществляет суверенные права и юрисдикцию в отношении морских территорий и континентального шельфа Адриатического моря за пределами государственной территории до границ с соседними странами… Республика Хорватия

заключает союзы с другими государствами, сохраняя за собой суверенное право самостоятельно принимать решения о делегировании полномочий и право на свободный выход из них» (ст. 2).

Так, например, Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. была принята от имени народа. Вместе с тем в тексте конституции прямо провозглашается государственный суверенитет: «Польша допускает ограничение *государственного суверенитета* путем передачи на основании международного договора международной организации или международному органу компетенции органов государственной власти» (ст. 90).

Особенностью Конституции Польши является то, что она единственная среди восточноевропейских государств содержит положения, предусматривающие обеспечение государственного суверенитета со стороны Президента и иных государственных органов: «Президент Республики следит за соблюдением Конституции, стоит на страже суверенитета и безопасности государства, а также неприкосновенности и неделимости его территории» (ст. 126 п. 2). Порядок реализации данного положения содержится в ст. 230: «В случае угрозы конституционному устройству государства, безопасности граждан или публичному порядку Президент Республики по предложению Совета Министров может ввести на определенное время, не дольше 90 дней, чрезвычайное положение на части или на всей территории государства».

Это одна из немногих конституций, которая прямо закрепляет также важнейшие гарантии государственного суверенитета. В ст. 5 Конституции обосновывается, что Республика Польша стоит на страже независимости и неприкосновенности своей территории. В соответствии со ст. 26 обеспечение безопасности и неприкосновенности границ возложено на Вооруженные Силы Республики Польша, которые служат защите независимости государства и неделимости его территории (п. 1), а также сохраняют нейтралитет в политических вопросах (п. 2).

Для бывших советских республик характерно использование термина «суверенитет» в отношении народа, нации и государства, так как в основе такого подхода лежат идеи наиболее известной и распространенной концепции трех субъектов (носителей) суверенитета. Так, весьма типичными в связи с этим представляются конституционные положения Украины и Беларуси, если их также относить к восточноевропейскому сообществу государств.

Украина последовательно придерживается концепции существования народного и государственного суверенитета. В соответствии с Конституцией Украины «Верховна Рада України від імені Українського народу – громадян України всіх національностей, виражаючи *суверенну волю народу*… приймає цю Конституцію – Основний Закон України» (преамбула). В то же время в соответствии со ст. 1 «Україна є *суверенна і незалежна*, демократична, соціальна, правова *держава*», а в ст. 2 закрепляются его пространственные пределы: «*Суверенітет України* поширюється на всю її територію».

В Конституции Беларуси также прослеживается четкая взаимосвязь признания как государственного, так и народного суверенитетов и их закрепление. Так, ст. 1 ч. 2 провозглашает: «Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику», т. е. официально закрепляет основные признаки, свойства государственного суверенитета – верховенство и самостоятельность. Вместе с тем наряду с государственным суверенитетом в ст. 3 Конституции «единственным источником государственной власти и *носителем суверенитета*» признается народ.

Такой же дуалистичный подход к понятию «суверенитет» прослеживается и в Конституции Венгрии. В преамбуле Конституции Венгерской Республики от 18 августа 1949 г. прямо указывается на принятие конституционного акта Государственным собранием. Вместе с тем ее демократический характер раскрывается в гл. I «Общие положения» § 2 (п. 2). «В Венгерской Республике вся власть принадлежит *народу*, который *осуществляет свой суверенитет* через избранных представителей, а также непосредственно». При этом § 5 не только возлагает защиту принадлежащей народу власти на государство, но также провозглашает основные свойства, черты государственного суверенитета: «Венгерская Республика защищает свободу и власть народа, *независимость страны и ее территориальную целостность, а также ее границы*, закрепленные в международных договорах».

Одним из наиболее важных аспектов государственно-образовательных процессов в современной геополитике является обеспечение суверенитета в полинациональных государствах. Анализ некоторых европейских конституционных актов свидетельствует об отсутствии единообразия в понимании содержания понятий «народный» и «национальный» суверенитеты, что ведет к их искажению и коллизии в применении норм. Многочисленные межэтнические, национальные конфликты во многом результат несогласованной не только международной, но даже внутригосударственной политики по данному вопросу, отсутствия правовой регламентации либо ее нечеткой, неоднозначной формы рассматриваемых политико-правовых категорий.

В настоящее время на карте Европы фактически абсолютное большинство государств – унитарные. Однако народы, их населяющие, представлены относительно большим многообразием наций. Длительный исторический процесс становления государственности сказался на составе населения: государства, будучи когда-то образованными одной нацией (народом, принадлежащим к одной нации), с течением времени утратили свою монохромность, миграционные процессы различного генеза, ассимиляция повлияли на национальный состав населения. Тем не менее в общественно-политической лексике, равно как и в текстах многих конституционных актов полинациональных государств, традиционно народ как историческая социальная общность соотносится с конкретной нацией, послужившей исторически основой для государствообразующего процесса, и, как следствие, также именуется. Такой подход является характерной чертой большинства современных конституций. Однако в научной литературе ведутся дискуссии относительно правомерности и корректности легализации в политико-правовой лексике идентификации народа государства через (опосредованно) конкретную (как правило, коренную) нацию. Поскольку в настоящее время большинство государств характеризуются как полинациональные, возникает вопрос, насколько правомерно называть народ такого государства идентично нации, исторически его образовавшей, т. е. фактически сводить все национальное многообразие народа государства к одной нации.

Так, например, в соответствии с преамбулой Конституции Албании, принятой 21 октября 1998 г., народ как историческая, социально-политическая общность выступил в качестве основного субъекта правоотношений, при этом выдвинув одной из главных целей процветание нации и национальное единство. Некоторые положения Конституции свидетельствуют о приоритете национального аспекта, выделяемого законодателем в отношении категории «народ»: «Республика Албания защищает национальные права албанского народа, проживающего за ее пределами» (ст. 8 п. 1); «Государственным языком в Республике Албания является албанский язык» (ст. 14 п. 1), далее в той же статье закрепляется статус национальных символов – флага, гимна и национального праздника – Дня Флага.

Признавая албанскую нацию как «народообразующую», вместе с тем ст. 3 Конституции демонстрирует стремление государства к проведению лояльной, социально ориентированной национальной политики, при которой государство обязано уважать национальное равенство и национальное наследие, сосуществование и взаимопонимание албанцев с национальными меньшинствами, а ст. 20 провозглашает принципы свободы и равенства национальных меньшинств.

Аналогичным образом, определяя один термин через другой, поступил и законодатель в Конституции Республики Хорватия от 22 декабря 1990 г.: «Выражая тысячелетнюю *национальную* самобытность и государственность хорватского *народа*...» Вместе с тем, будучи многонациональным государством, Хорватия на конституционном уровне провозгласила ряд принципов национальной политики, среди которых важнейший – национальное равноправие (ст. 3), а также предоставление ряда политических прав представителям национальных меньшинств (ст. 7), культурных прав (ст. 12), в том числе права на культурную автономию (ст. 15).

Следует отметить, что более корректно и последовательно с научно-правовой точки зрения применяется термин «национальный» в отношении меньшинств в конституциях иных европейских государств.

Конституция Эстонии также прямо устанавливает право на образование национальной автономии, ссылаясь на Закон «О культурной автономии национальных меньшинств» (ст. 50).

Традиционно урегулированы культурные права и свободы польских граждан, принадлежащих к национальным и этническим меньшинствам (ст. 35 п. 1, 2).

Некоторые конституции весьма обстоятельно закрепляют права национальных меньшинств и отводят им значительный объем текста. Так, например, Конституция Словении отводит этому вопросу разд. 4 «Права национальных меньшинств и этнических групп». Его особенностью является своеобразная оговорка в отношении «осуществления прав граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам и этническим группам, гарантированных настоящей Конституцией, которое не должно создавать угрозу суверенитету и территориальной целостности Словацкой Республики или приводить к дискриминации остального населения» (ст. 34 п. 3).

Придание особого значения необходимости защиты и обеспечения прав и свобод национальных и этнических меньшинств прослеживается и во включении в Конституцию Венгрии отдельной гл. V «Комиссар Государственного собрания по правам граждан и Комиссар Государственного собрания по правам национальных и этнических меньшинств». В гл. XII «Основные права и обязанности» закрепляются не только традиционные культурные права, но и политические – национальные и этнические меньшинства признаются участниками народной власти; «они представляют собой государствообразующие факторы» (ст. 68 п. 1).

Статья 64 Конституции Словении направлена на урегулирование социально-экономических, культурных и политических прав автохтонных итальянского и венгерского национальных сообществ, в том числе учреждать свои самоуправляющиеся сообщества, избирать в Государственное собрание по одному депутату от итальянского и венгерского национальных сообществ (ст. 80).

Принятию Конституции Чехии предшествовала Хартия основных прав и свобод Чехии (Чешской Республики) от 9 января 1991 г., в преамбуле которой утверждаются права чешской нации и словацкой нации на самоопределение. Как и большинство восточноевропейских государств, Хартия Чехии устанавливает права национальных и этнических меньшинств, которым отводится отдельная гл. III (ст. 24, 25).

Таким образом, несмотря на качественно новые преобразовательные процессы на современном этапе в области государственного развития, конституционное законодательство стран Центральной и Восточной Европы по-прежнему опирается на традиционные взгляды и научные теории о содержании и носителях, субъектах суверенитета. Современной наукой в основном анализируются политический и политологический аспекты, предпринимаются попытки правовой регламентации применительно к принципиально изменившейся объективной реальности, но при этом не учитываются изменения лексического характера. В связи с этим одни и те же политические явления, связанные с суверенитетом, по-разному обозначаются в политико-правовой лексике, нередко происходит подмена понятий или их отождествление, что обусловливает необходимость их дальнейшего исследования. Это неизбежно влечет за собой внутригосударственные и международные конфликты.

Поступила в редакцию 27.09.12.

Алла Васильевна Шавцова – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права.

Н. М. КОНДРАТОВИЧ

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И УКРАИНА

Рассматривается политическая система как сложный универсальный комплекс взаимодействующих на правовой основе институтов, в рамках которого осуществляется политическая власть. Анализируются отдельные элементы политической системы. Важнейшим системообразующим элементом политической системы, вобравшим все атрибуты власти, является государство. Общество должно иметь организационные средства воздействия на власть: путем формирования институтов гражданского общества, деятельности политических партий, в основе которых лежит совершенствование законодательства. Сочетание модернизации и стабильности – основное направление в развитии политической системы современных государств.

Political system is a complicated universal complex of interacting on legal bases institutes within the framework of which political authority is exercised. The state that contains all important attributes of authority pretends to be the most significant element of political system. It is necessary for society to have organizational means to influence regime, especially by forming institutes of civil society and political parties that have legislative development as a basis for their activity. The combination of modernization and stability is the main direction of the development of political systems in states existing nowadays.

В определении самого понятия «политическая система» в юридической литературе доминирует институциональный метод. Р. В. Енгибарян определяет политическую систему как «целостную совокупность государственных и негосударственных общественных институтов, правовых и политических норм, взаимоотношений политических субъектов, посредством которых осуществляется власть и управление в обществе»[1]. А. С. Автономов обусловливает политическую систему общества как «комплекс взаимодействующих средств, методов и форм образования, организации и функционирования механизмов осуществления власти, борьбы за власть и оказания влияния на ее осуществление»[2]. По В. А. Затонскому, политическая система есть «упорядоченная на основе права и иных социальных норм совокупность институтов (государственных органов, политических партий, движений, общественных организаций и т. п.), создающая условия для нормального протекания политической жизни, обеспечения ее стабильности и эффективности, нейтрализации и вытеснения их нее негативных политических процессов»[3]. Таким образом, политическая система – это сложный универсальный комплекс взаимодействующих на правовой основе институтов, в рамках которого осуществляется политическая власть.

Традиционно к элементам политической системы относят государство, государственные органы, политические партии, иные общественные объединения, местное самоуправление и т. д. По мнению В. А. Затонского, главное звено политической системы – личность, представленная в государственно-правовом качестве гражданина[4]. Все перечисленные элементы, по представлению М. С. Матейковича, образуют систему иного порядка, родового, общества в целом[5]. Для структурирования политической системы, рассматриваемой в качестве порядка публично-властной организации общества, прежде